

Любовь Титова

Институт истории СО РАН,
Сектор археологии и источниковедения
630090, г. Новосибирск
ул. акад. Николаева, д. 8

Пути формирования и развития русской повести XVII века*

В статье рассматривается один из аспектов формирования и развития демократической повествовательной прозы XVII в. – создание беллетристических памятников на основе дидактических (на материале *Беседы отца с сыном о женской злобе и Повестей о хмеле*).

Ключевые слова: русская проза, рукописные книги, читательский вкус, нравоучительные Слова.

Emergence and Generic Development of the Russian Tale The

The author discusses one aspect of the formation and development of democratic narrative prose of the 17th century: the creation of fictional compositions on the basis of didactic texts. The study material are ‘Beseda ottsa s synom o zhenskoi zlobe’ and the cycle ‘Povesti o khmele.’

Keywords: Russian narrative, hand-written book, readers’ tastes, moralizing literature.

Особый интерес для современных исследователей представляют проблемы, связанные со становлением и развитием демократической литературы. И. П. Еремин, определяя основные пути развития русской повести, указал на переработки произведений старой, древнерусской традиции: нравоучительных слов (о злых женах, Хмеле) апокрифов (*Сказания о Соломоне*), хронографических рассказов из всеобщей истории (*Сказание о древе златом, о царе Михаиле и царе Левтасаре*) и др.»¹

В настоящей статье мы остановимся на одном из аспектов формирования и развития демократической повествовательной прозы XVII в., указанных

* Работа выполнена в рамках гранта Президента РФ по поддержке ведущих научных школ № НШ–219.2014.6.

¹ И. П. Еремин, *Русская литература и ее язык на рубеже XVII–XVIII веков*, [в:] *Начальный этап формирования русского национального языка*, Ленинград 1961, с. 12–13.

И.П. Ереминым, – создании беллетристических письменных памятников на основе дидактических, нравоучительных слов (на материале *Беседы отца с сыном о женской злобе* и повестей о Хмеле).

Как нам удалось обнаружить при изучении литературной истории *Беседы*, расположение материала в ней и ее состав более всего напоминают *Слова о добрых и злых женах*, которые, начиная с XI в., прочно вошли в литературный обиход. Самый ранний текст о злых женах известен еще по *Изборнику Святослава* 1076 г., он входит в состав *Моления* Даниила Заточника, *Златоструя*, *Измарагда*, *Пролога* и *Великих Миней четых*, не говоря уже о необозримом множестве различных выписок на эту всегда остающуюся злободневной тему в сборниках смешанного состава. Среди пестрого разнообразия *Слов о злых женах*, немало таких, которые обнаруживают любопытные параллели к тексту *Беседы*. Так, некоторые главы *Беседы*, рассказывающие о женских хитростях и злобе, превосходящих коварство самых опасных животных, также находят соответствие в *Словах о добрых и злых женах*².

Но это не главное. Важно, что она (*Беседа*) обнаруживает сходство и в построении. В *Словах о злых женах* вначале идет сравнение их со зверями, а затем очень кратко говорится о библейских персонажах, пострадавших от женского коварства: «Перваго Адама нашего из рая изгна Бог жены ради [...], женою Давид в убийство впаде, женою Соломон прельщен погибе, Евдоксия царица Иоанна Златоустаго заточи, жена Самсона храброго ослепи, жена пророка Илью прогна и Предтечу Иоанна усекну, женою многи погибоша и в лютые грехи впадоша...»³ – констатирует автор *Слов*. В *Беседе* этот список страдальцев несколько дополнен, но рассказы о них (более пространные) идут в том же порядке, что и в *Словах*.

Подобная литературная судьба и у повестей о Хмеле. Исследовавшая тексты о Хмеле Т. А. Махновец установила, что повести о Хмеле по сравнению со *Словами* обрастают новыми подробностями бытового характера, стремятся к большей занимательности. В древнерусской рукописной традиции *Слова о Хмеле* появляются в XV в., на основе их текста во второй половине XVII в. возникают *Повесть о Хмеле*, *Послание к некоему инокю о Хмеле* и стихотворное сочинение о пьянстве⁴. *Послание к некоему инокю о Хмеле* – поучение в форме послания, направленное против пьянства. В научной литературе оно признается памятником второй половины XVII в., восходящим наряду с другими произведениями о Хмеле, к *Слову о Хмеле*. Оно имеет вступление и концовку, характерные для жанра *Послания*, и центральную

² Л. В. Титова, «*Беседа отца с сыном о женской злобе*». Исследование и публикация текстов, Новосибирск 1987, с. 122.

³ Там же, с. 123.

⁴ Т. А. Махновец, «*Слово о Хмеле*» в списках XV в., [в:] *Источниковедение литературы Древней Руси*. Ленинград 1980, с.155–162; Т. А. Махновец, *Концепция добра и зла и жанр «Повести о хмеле»*, [в:] *Эстетический идеал и проблемы жанра*, Йошкар-Ола 1988, с. 5–15.

часть, озаглавленную «Притча». В *Послании* по сравнению со *Словом* значительно смягчен зловеющий характер Хмеля как двойника главного героя, но в то же время больше разрабатываются некоторые специфические свойства двойника: способность являться герою во сне, в бреду, стремление вытеснить героя. Дидактика здесь соединяется с занимательностью, суровость сменяется снисходительностью к человеческим слабостям.

Наряду с *Посланием* во второй половине XVII в. создается и *Повесть о Хмеле* (*Повесть зело полезна о хмеле и о пьянстве, сказуема от некоего философа*). Основной ее источник также *Слово о Хмеле*, главное в *Повести о Хмеле* – монолог Хмеля, обращенный к человеку. Эта речь в *Повести* обрамлена рассказом о человеке, жившем уединенно («в дебри», «в пустыни») и однажды увидевшем неизвестное ему растение. Сорванная с него «смоковница» послужила поводом к рассказу хмеля о своей силе и власти. Завершают *Повесть* размышления благочестивого героя о пользе умеренности в питии и пагубности пьянства.

Занимательность более ярко проявляется в *Повести*, текст *Послания* здесь несколько сокращен и значительно дополнен различного рода вставками. Заново вводится монолог Хмеля из *Слова*, появляется рассказ о выведывании у Ноя тайны о ковчеге, близкий к *Палее исторической*.

В связи с обличением пьянства излагаются библейские сказания о гибели Самсона и Олоферна, кратко пересказываются хронографические известия о византийском императоре Михаиле III, подбираются назидательные изречения о вреде пьянства. Непосредственно перед заключением помещено *Двоестрочное сказание о безмерном пьянстве и злом запойстве*. Все вставки озаглавлены, что придает им вид самостоятельных произведений. Но заключение, известное по *Посланию*, сохраняется и в *Повести*. Это позволяет считать *Повесть* не подборкой отдельных текстов на одну тему, а более поздним сочинением относительно *Послания*⁵.

В сравнении со *Словом* и *Посланием* в *Повести о Хмеле* появляются новые подробности бытового характера, в ней обнаруживается большее стремление к занимательности, но одновременно используются и средства абстрагирования, усиливается дидактичность. Хмель сохраняет черты двойника человека, но путь, на который он влечет, уже не столь неотвратим, как в *Слове о Хмеле*, проблема нравственного выбора и ответственности человека решается в *Повести* в традиции средневековой учительной литературы. Надо отметить, что занимательность и дидактичность достаточно долго идут рука об руку в рукописной повествовательной прозе XVII в.

Собственно беллетристическая проза в русской литературе появляется только в середине XVII в., до этого времени потребность в занимательном повествовании удовлетворялась в значительной мере либо фольклором,

⁵ Текст *Послания* опубликован Н. С. Демковой и Т. А. Махновец [в:] *Памятники Литературы Древней Руси. XVII век*, кн. 2, Москва 1989, с. 244–249.

либо нравоучительными, но занимательными в содержательном плане, патетическими легендами, либо близкими к сказке «баснями и кощунами», резко осуждавшимися церковью и более того запрещенными на Руси для чтения.

Широкое распространение в XVII в. получили литературные сборники, переведенные с польского языка, такие как *Истории о семи мудрецах*, *Великое зеркало*, *Римские деяния*, *Фацеции*. Читателей привлекал развлекательный характер большинства повестей в этих сборниках. Как отмечали многие исследователи, трудно было найти проповедников, которые не обращались бы к *Великому зеркалу*. На русской почве книга приобрела иное предназначение: она обслуживала не узкий круг проповедников, ученых монахов, а широкие круги читателей занимательного и поучительного рассказа⁶. Такое же назначение получили и *Римские деяния*. Близки по своей направленности (сочетать «приятное» с «полезным», т.е. поучительное с развлекательным) и вновь создающиеся в это время оригинальные сочинения русских книжников, подобные *Беседе отца с сыном о женской злобе*, циклу повестей о хмеле и др. В одном ряду с уже названными памятниками необходимо поместить особо заметный пласт занимательной литературы, как переводной, так и оригинальной, который своими корнями уходит в фольклор. Среди этих сочинений повести о Петре Златых ключей, о Бове королевиче, о Василии Златовласом, о Брунцвике королевиче, повествовательные своды о царе Соломоне и царе Давиде, о Вавилонском царстве и др.

Отношение к занимательной повести в русском обществе было неоднозначным: одни читатели приветствовали демократическую занимательную повесть, другие ее полностью отвергали. Так, например, придворный стольник Иван Бегичев сурово выговаривал в своем *Послании* читателям авантюрных повестей:

Все вы, кроме баснословные повести, глаголемые еже о Бове королевиче и мнящихся вам душеполезные быти, иже изложено есть от младенец [...] и о прочих иных таковых же баснословных повестей и смехотворных писм, – божественных книг и богословныхдохмат никаких не читали⁷.

Бегичев привык видеть в словесности «душеполезное чтение», и он никак не мог принять тот факт, что любители «неполезных повестей» вовсе не обманывались, не принимали их за «душеполезное чтение»: они наслаждались именно их «неполезностью», читателей привлекали занимательные сюжеты, смелые подвиги и любовные приключения персонажей.

Относительно *Беседы отца с сыном о женской злобе* в одной рукописи также сохранилась запись строго моралиста: «Сию книгу за множество вранины

⁶ О. А. Державина, *«Великое зеркало» и его судьба на русской почве*, Москва 1965, с. 98.

⁷ А. И. Яцимирский, *Послание Ивана Бегичева о видимом образе Божию...*, [в:] *Чтения в Обществе истории и древностей российских*. 1898, кн. 2, отд. 2, с. 4.

и пустяков, могущих привести малосмысленного в ересь – предать огню, которой силен истребить всякое неистовство». (РГБ, собр. Попова, № 70, л. 485)

Тема «женской прелести» никого из мужчин не оставляла равнодушным, вызывала у них желание не только высказать свое «критическое» суждение, но и поделиться своими сокровенными помыслами. В одной из рукописей, принадлежащих И. Е. Забелину, напротив фрагмента *Беседы*, повествующего о жене, в лютоści своей уподобляющейся львице («А львица в пустыни на всякаго человека и зверя наскочет и растерзает. Тако и злая жена, яко львица и домочадец возненавидит, и ризы растерзает, и тело кровию обагрят, и власы искореняет, и на мужа рыкает и злобою восхищает, ни львовы убо зубы ухапает, ни ножом, ни мечем, ниже копием мужа своего заколат, но нравом злее львицы бывает...»)⁸, читаем: «1-е. Подобно оной заповеди моя жена Пелагея во всем сходство имеет». И ниже, напротив сообщения о змееподобной супруге («Слыши, сыне мой, ис куста исходит змия и узрит человека и от него бежит, а злая жена подле человека лежит, а змииным ядом дышит, сия истинная запазушная змия: донележе муж ея по ней ходит и вопреки ничего не глаголет и она ему терпит, а егда муж чем погрозит, и она на него, что змия шипит...»)⁹, на полях оставлено лаконичное замечание того же читателя: «2-е. И сия подобна во всем»¹⁰.

По мнению В. Д. Кузьминой первоначально занимательные повести читались и дворянами, и лишь в XVIII в. они окончательно спустились в низшие слои русского общества¹¹.

Следует учитывать, что по большей части рукописные сборники, включающие *Беседу*, относятся к литературе демократической, которая принадлежит «средним» и «низшим» слоям русского населения XVII–XIX вв.

Создавалась *Беседа* как поучение, она практически соответствовала канонам средневекового отеческого предания, необычность этого наставления состояла лишь в том, что оно было ограничено одной темой и функции ее главных персонажей (отца и сына) постепенно менялись. В первоначальном тексте роль сына пассивна, он безропотно внимает речам отца, всегда послушный и бессловесный, вдруг начинает спорить с отцом, пытается определить свою позицию относительно предмета разговора. Эта активность героя, безусловно, определяется временем. Разрушая средневековые жанровые каноны, XVII в. смело вторгается и в область учительной литературы.

Жанр первоначального текста *Беседы*, задуманной как отеческое предание, пытается вырваться за рамки дозволенного. Открытая структура ее

⁸ Л. В. Титова. *Беседа отца с сыном...*, с. 205.

⁹ Там же.

¹⁰ И. Е. Забелин. *Женщина по понятиям старинных книжников (Книга о злонравных женах зело потребна, а женам досадна)*, [в:] *Опыты изучения русских древностей и истории*, ч. 1, Москва 1872, с. 167.

¹¹ В. Д. Кузьмина, *Рыцарский роман на Руси. Бова, Петр Златых ключей*, Москва 1964, с. 187–193.

постепенно дополняется и разрастается за счет введения новых беллетристических главок и благодаря этому постепенно превращается в *Сказание*, *Повесть*, примыкающую к разряду произведений, которые несомненно воспринимались как «неполезное» чтение.

Таким образом, в зависимости от окружения можно судить и о жанровом восприятии памятника. Трудно предположить, что, помещая *Беседу* среди приключенческих и юмористических произведений, переписчики и читатели продолжали ее воспринимать как поучительное сочинение, некое руководство к действию, скорее это уже книги для занимательного чтения, для развлечения. Они примкнули к разряду светской «неполезной» литературы XVII – первой половины XVIII в., которая, по справедливому замечанию пани Э. Малэк, «была теснейшим образом связана с культурными компетенциями читателей, проявляющимися в умении понимать нестандартные литературные тексты, со вкусами читающей публики, выражающимися прежде всего в отборе текстов для индивидуального чтения...»¹².

В сборниках XVIII в. мы обнаруживаем часто переделки (редакционные) традиционных для русского читателя памятников, т.е. наблюдаем активную жизнь памятников старшей поры. Это следует отнести на счет той среды, в которой они вращались. Как показали читательские и владельческие записи на страницах рукописей, они по большей части принадлежали демократическому читателю. Стрельцы, грамотные крестьяне, подьячие, низший клир – вот главный контингент читателей, переписчиков и «соавторов» рукописных памятников XVII–XVIII вв. В каком же ключе шла переработка повестей, полюбившихся демократическому читателю? Отвечая на этот вопрос, М. Н. Сперанский в свое время писал:

[...] создателями этих редакций руководит не нравоучительная цель, их интересует прежде всего занимательность сюжета, самый рассказ [...]. Взгляд на свое литературное произведение автор готов счесть тождественным со взглядом на «мирское» устное произведение, свободно пользуясь изобразительными средствами и техникой устной сказки. Все это позволяет сделать попытку и подойти к той социальной среде, где могли сложиться, стать обычным подобное отношение к задачам книжного творчества: цель его – доставлять удовольствие, развлечение, цель эстетическая. Такие литературные вкусы, скорее всего, могли иметь место в среде низших и средних классов грамотного общества XVII в.¹³

Действительно, в основном переработка, редакционная правка идет по линии упрощения текста, приближения его языка к разговорному. Тексты демократических повестей в XVII–XVIII вв. представляют собой своеобразную фольклорную обработку, пересказываются почти каждым переписчиком «на свой лад». Часто, осуществляя издания отдельных списков того или

¹² Э. Малэк, «Неполезное чтение» в России XVII–XVIII веков, Warszawa – Łódź 1992, с. 44.

¹³ М. Н. Сперанский, *Эволюция русской повести в XVII в.*, [в:] *Труды Отдела Древнерусской Литературы*, т. I, Ленинград 1934, с. 148–149.

иного произведения XVII века, исследователи отмечали эту особенность как переходный этап от письменного памятника к фольклору. Так, например, охарактеризован текст *Повести о Соломоне* в сборнике XVIII в. (ГИМ, собр. Соколова, № 15) С. Ф. Елеонским: «Текст повести о царе Соломоне в редакции „Красного сборника“¹⁴ можно считать переходной ступенью к устным пересказам»¹⁵. Относительно этого же сборника, но другой повести – о папе Григории – писал и Н. К. Гудзий: «Влияние былинного размера особенно чувствуется именно в повести о папе Григории»¹⁶.

В XVIII в. памятники, ушедшие в «четьи» сборники, сборники низов, постепенно изменяют свой язык, в смысле приближения к живой речи, наблюдается некий переходный этап старинной учительной литературы в разряд беллетристики. *Беседа* относится к кругу тех оригинальных русских сочинений, которые к началу XVIII в. перешли в разряд развлекательной литературы и охотно тиражировались. Судя по количеству дошедших до нашего времени списков памятника (более 110), а также обнаруженным нами в одном из сборников помет писца, работавшего на заказ, можно с уверенностью говорить о том, что она – благодаря непреходящей популярности темы – стала своеобразным бестселлером! Нами неоднократно обращалось внимание на писцовые пометы в сборнике ГИМ, собр. Уварова, № 2053 (1084)¹⁷ – (далее *Ув. 1084*). Поскольку эти пометы – явление уникальное, остановлюсь на них еще раз.

На полях сборника *Ув. 1084* напротив заглавий сочинений, помещенных в нем, имеются писцовые киноварные пометы «списывать» или «не списывать». «Беседа» попала в разряд текстов, предназначенных для переписывания. Уваровский сборник является одним из немногих образцов переписческой деятельности XVIII в. Это явно продукция писца-ремесленника. Известно, что в XVIII в. продолжают пользоваться большим спросом, особенно у демократических слоев населения рукописные книги, т. к. репертуар печатной книги (ставшей уже более дешевой, чем в XVII веке) все же не удовлетворял эти читательские массы. Любители древнерусской повести, как и псевдорыцарского романа, и поклонники назидательного чтения часто обращались к рукописной книге, которая до конца XVIII в. достаточно высоко ценилась; естественно, что в этих условиях писец-ремесленник занимал видное место. Что же копировал в XVIII в. писец, какие произведения были наиболее популярны в демократической среде того времени? Обратимся

¹⁴ Сборник ГИМ, собр. Соколова, № 15 в исследовательской литературе именуется «Красным сборником» из-за внешнего его оформления: текст каждой страницы заключен в бледно-красную рамку из нескольких полосок.

¹⁵ С. Ф. Елеонский, *Повесть о царе Соломоне в фольклорной обработке*, [в:] *Труды Отдела Древнерусской Литературы*, т. XIV, Москва – Ленинград 1958, с. 145.

¹⁶ Н. К. Гудзий, *Новые редакции повести о папе Григории*, [в:] *Труды Отдела Древнерусской Литературы*, т. XV, Москва – Ленинград 1958, с. 179.

¹⁷ Леонид архим., *Систематическое описание славянорусских рукописей собрания графа Уварова*, Москва 1894, ч. 4, с. 430–432.

к сборнику *Ув. 1084*, содержание которого отражает вкусы средних слоев русского населения XVIII в. В его состав вошли: *История о Калеандре и Ненелде*, *Сказание о Ахмете (Магмете) волхве-еретице*, *Повесть о трех блудницах*, *Дивное сказание о некоем царе дворецком и о преселнике*, *Сказание о прелюбодеянии и о покаянии*, *Беседа отца с сыном о женской злобе*, вслед за которой помещен ряд новелл из *Фацеций*, объединенных женской темой: *Об упрямой жене*, *Об упрямой же жене и спорной*, *о язычной и непоказливой жене*, *о бабе, обманувшей демона*, *о вымысле попадьи: како научи медведя грамоте*, *о некоей жене*, *о поминовении мужа своего*, *Слово, како не терпит враг диавол, иде союз любви и аще творити собою безсилен – творит чрез человека, паче же бабами*, *о жене оболстившей мужа своего и како муж пред женою каяся*. Все эти произведения с писцовой пометой «списывать».

Нам известен еще один повествовательный сборник, выполненный тем же писцом, что и *Ув. 1084* – сборник РНБ, собр. Погодина, № 1603, первой половины XVIII века¹⁸. Он также составлен из «четьей» литературы конца XVII – начала XVIII в., в его составе *История об Астраханском взятии*, повести о Брунцвике, о Вавилонском царстве, об ангеле, послушавшемся Бога, о рождении и похождениях царя Соломона, отдельные фацеции и др. Двенадцать сочинений, содержащихся в *Ув. 1084*, переписаны и в сборнике Погодина, № 1603. Не только почерк, но и бумага в обоих сборниках одинакова. Нет сомнений, что сборники принадлежат перу одного писца. К сожалению, не удалось выяснить имя писца, где он трудился и сколько стоили его книги, но кое-какие сведения можно почерпнуть из читательских записей. Сборник имел загадочную судьбу. Тульский купец Яков Яковлев сын Обусин поместил рукопись в заклад у новгородского купца Силы Дербушева «в двух рублях и семидесяти копейках» (речь идет о немалых деньгах), ведь это только заклад, а не окончательная цена книги, но заложенный сборник в Тулу, по всей видимости, так и не вернулся, поскольку одна из записей в сборнике гласит «Сия книга припорушена новгородскому купцу Стефану Силину, сыну Дербушеву», из этой записи понятно, что книга не была выкуплена ее владельцем, она осталась у кредитора, который впоследствии передал ее своему сыну¹⁹.

Представленные материалы наглядно показывают, насколько прочным оказался читательский вкус к повестям XVII в., широко представленным в рукописных сборниках XVII–XVIII вв., с какой любовью они переписывались, читались и распространялись, как были близки и дороги сердцу русского человека.

¹⁸ Сборник описан. См.: А. Ф. Бычков, *Описание церковнославянских и русских рукописных сборников имп. Публичной библиотеки*, Санкт-Петербург 1882, с. 270–278.

¹⁹ Более подробно о писцовых записях в рукописи Пог., № 1603 см.: А. М. Панченко, *Чешско-русские литературные связи XVII века*, Ленинград 1969, с. 134–135.